

УДК 316.334:902

Агеева**Вера Валентиновна,**

канд. ист. наук, доцент кафедры истории и философии науки и техники ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30.
E-mail: iforya@tpu.ru

Агеев**Илья Александрович,**

канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры социальных коммуникаций ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30.
E-mail: agilalex@mail.ru

Николаева**Анастасия Михайловна,**

студент, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30.
E-mail: amnik@inbox.ru

**ЭСТЕТИКА ГОРОДА И ГОРОДСКОЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ
КАК АТТРИБУТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО
БЛАГОПОЛУЧИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ
ЖИТЕЛЕЙ СОВЕТСКИХ СЕЛ
AESTHETICS OF CITIES AND URBAN LIFESTYLE
AS ATTRIBUTES OF ECONOMIC WELLBEING
OF THE SOVIET VILLAGERS**

В.В. Агеева, И.А. Агеев, А.М. Николаева
V.V. Ageeva, I.A. Ageev, A.M. Nikolaeva

Томский политехнический университет, Россия
Tomsk Polytechnic University, Russia
E-mail: iforya@tpu.ru

***Актуальность** работы обусловлена необходимостью более глубокого изучения феномена потребительского общества в СССР, что предполагает описание универсальной модели потребительского идеала, раскрывающей причинно-следственные связи последнего с процессами урбанизации.*

***Гипотеза.** Авторы выдвигают предположение, что становление потребительского общества СССР в 70-х гг. XX века у сельских жителей было связано с процессами урбанизации и что одним из элементов потребительского идеала советского крестьянина была жизнь и работа в городе. **Цель работы** – выявить зависимость процессов урбанизации от формирования потребительского идеала и представлений о материальном и социальном благополучии советских сельских жителей.*

***Результаты.** В работе выявлены такие формы стимулирования урбанизации, как всеобщая паспортизация, политика оптимизации сельской местности, при которой новое строительство, совершенствование социальной инфраструктуры велось только в «перспективных» селах, превращаемых в замыслах градостроителей в опорные пункты сельскохозяйственного производства. Называются объективные причины*

(различия в качестве образования, медицинской помощи, энергоснабжения, благоустройстве жилища) и субъективные представления (о разнообразии товаров, непрестижности сельского труда), которые поддерживали потребительский идеал переселенцев. Констатируется содержательное разнообразие «потребительства» селян, которое включало необходимость удовлетворения как материальных, так и социально-духовных потребностей. Материальные потребности включали в себя полный набор потребностей горожанина; социально-духовные предполагали приобщение к стандартам социальных отношений и культурной жизни, которых можно достичь, только живя в городе.

***Ключевые слова:** экономическое благополучие, городской образ жизни, общество потребления, урбанизация, миграции, советское общество, культура потребления.*

***Relevance.** In the second half of the 20th century in the Soviet Union there was a becoming consumer society and consumer ideal, the most famous expression of which was the acquisition of three attributes of wellbeing – car, apartment and country house. However, this model is not scientifically investigated and it is obvious that it was not universal. For example, the villagers did not need to build a cottage or wait in line for an apartment. **Hypothesis.** The authors put forward the hypothesis that the emergence of the consumer soci-*

ety of the USSR in the 1970s for rural residents was associated with urbanization processes at the same time, and that one of the elements of the consumer ideal of the Soviet peasant was living and working in a city. **The research purpose** is to analyze the relationships of urbanization to the formation of consumer ideal and perceptions of the material and social wellbeing of the Soviet villagers. **Results.** Urbanization was stimulated at the expense of universal passport system, as well as by the policy of optimizing the countryside, in which the new construction, improvement of social infrastructure was carried out only in the "advanced" villages which were converted in the strongholds of agricultural production to the intentions of urban planners. Persons motivated both objective reasons (differences in the quality of education, health care, energy, home improvement) and subjective perceptions (about a variety of products, the lack of prestige of agricultural work). "Consumerism" of villagers was more varied: it included the need to meet both material and socio-cultural needs. The first included a full range of needs of the citizen; second presupposed the introduction to the standards of social relations and cultural life, which can only be achieved by living in the city.

Key words: economic wellbeing, urban lifestyle, consumer society, urbanization, migration, the Soviet society, the culture of consumption.

Введение. Под «обществом потребления» традиционно понимают общественные отношения, в основе которых лежит индивидуальное потребление материальных и социальных благ, приобретающее массовый характер, а также характер базовой ценностной установки. При этом набор материальных и социальных благ варьируется в зависимости от культуры потребления и уровня экономического развития государства, благосостояния общества.

В СССР становление потребительского идеала постепенно происходило в 60–70-е гг. XX в. Именно тогда сложилась знаменитая триада: «машина, квартира и дача», обозначающая главные элементы потребительского идеала гражданина СССР [1]. Однако данная модель, основанная на обыденных представлениях, не имеет научного подтверждения. Публицистическое описание феномена советского потребления превратило эту триаду в речевое клише, не дав возможности выявить различия, наблюдавшиеся, например, между городами и селами [2]. В то же время очевидно: в сельской местности не было необходимости заводить дачу или стоять в очереди на квартиру – и то и другое заменял построенный, полученный в наследство или купленный дом. Означало ли это, что сельские жители были более обеспечены? Или в их потребительский идеал входили другие составляющие?

Практически одновременно с зарождением основ потребительского общества в СССР наблюдался рост миграций из деревни в город, составивший вторую волну урбанизации в СССР и приведший к дефициту рабочих рук в сельской местности во многих регионах страны, а на севере европейской части России – даже к запустению сел. Цель статьи заключается в установлении причинно-следственных связей между развитием потребительского общества и урбанизацией на территории СССР в период с 70-х гг. XX в. до настоящего времени.

Историографический обзор. Изучение феномена потребительского общества на отечественной почве началось сравнительно недавно и на данный момент представлено теоретическими работами В.И. Ильина [3, 4] и единичными работами других исследователей [5–7]. Процессу и последствиям советской урбанизации посвящено гораздо больше работ, однако мотивы крестьян при принятии ими решения об отъезде из села раскрываются в этих работах неявно: советские исследователи стремятся объяснить мотивы крестьян с помощью анализа массовых общественных кампаний, описания всесоюзных строек [8, 9]. В отличие от своих предшественников, исследователи постсоветского периода в большинстве своем проходят мимо данных проблем [10, 11].

Историографическими источниками настоящей статьи стали исследования советских географов и социологов, современная научная и публицистическая литература о проблемах народонаселения и культуры потребления. В современной российской исто-

риографии слабо разработаны вопросы нивелирования социалистических ценностей в советском обществе 1950–1980-х гг. и их поступательная трансформация [12, 13]. Внимание к этим вопросам демонстрирует западное, в первую очередь, англо-американское руссиеведение, в рамках которого в последние два десятилетия появились знаковые исследования советского потребительского общества [14–16].

Согласно логике исследования Э. Горсач и Д. Конкер, перестройка стала кульминацией длительного процесса социально-экономических трансформаций, которые возникали на протяжении десятилетий в ответ на экономические проблемы и социальную напряженность, порожденную ускоренной урбанизацией и индустриализацией. В первой половине 1920-х гг. только 16 % советских граждан жили в городах, в то время как к 1960 г. это число увеличилось более чем в три раза. С 1950 по 1984 гг. количество студентов, обучающихся в университетах, увеличилось с 1,2 до 5,3 млн человек, формируя тем самым новую, технократическую элиту, с ценностями и установками советского среднего класса [14, 15].

В исследовании Стивена Ловелла «Дачники. История дачи 1710–2000 гг.» формулируется тезис о том, что социокультурный феномен советской дачи представляет для руссиеведа уникальную точку отсчета для изучения социально-политических трансформаций, «исторических зигзагов» в позиции советского государства и общества по отношению к частной собственности и ее использованию [17]. Историк детально рассматривает изменения, происходившие в массовом отношении советских людей к даче как к объекту потребления – от пренебрежительных ассоциаций с физической праздностью, буржуазной собственностью и непроизводительным использованием земли до восхищения дачей как формой культурного досуга, связанной с отказом от неблагодарного сельскохозяйственного труда при сохранении «близости к природе». При этом, как отмечает Стивен Ловелл, для анализа ценностных установок дачников имеет лишь второстепенное значение собственно физическое воплощение дачи, будь то роскошный особняк или лачуга [17].

Опираясь на историко-культурный анализ разноплановых источников (архитектурных проектов, воспоминаний, газетных статей, рекламных объявлений и даже трудов российских писателей-фантастов), Ловелл демонстрирует, каким образом советский гражданин во второй половине XX века на время «освобождал» себя с помощью дачи от городского рабочего места, обустроивал внутреннее, частное пространство, создавал неформальные интеллектуальные сообщества [17].

На основе фундированных исторических исследований западные руссиеведы наглядно проиллюстрировали элементы капиталистической культуры, сосуществовавшие параллельно с общепринятым советским образом жизни.

Результаты исследования. Россия пережила урбанизацию в XX веке: более 70 % населения страны теперь составляют горожане, однако это лишь формальный показатель (люди, проживающие в городских поселениях). Городской образ жизни распространился еще дальше и глубже. Сельская местность благоустраивается, ее жители, пусть и при больших издержках, тоже могут жить «как в городе». Истоки отечественной урбанизации лежат в построении советского индустриального общества, когда крестьян почти насильно превращали в горожан сначала на стройках социализма, а затем на недавно построенных ими заводах.

Географы и социологи говорят о том, что урбанизация не завершается механическим перемещением населения из деревни в город – должен сформироваться городской образ жизни. С большой уверенностью можно сказать, что его не было у горожан первой волны в 1920-е, 1930-е годы. Лишь спустя поколение, в 1960–70-х гг., стал формироваться городской образ жизни рабочих. Изменилось отношение к свободному време-

ни и общественным делам, человек перестал видеть в городском жилище «клетку», лишаящую его возможности полноценной жизни, которую он видел в развитии личного хозяйства; все «городское» перестало быть синонимом скудости при высокой цене.

С этого времени советские граждане начали добровольно перемещаться в города. Что двигало ими теперь? Возможно, это было стремление сельских жителей улучшить свое положение путем переселения в город и перестроения образа жизни. Представление о городе и его возможностях были к тому времени уже достаточно сформированными, чтобы сделать осознанный выбор. Городской образ жизни стал одним из способов самоопределения молодежи, жизненным стандартом представителей среднего возраста, достойной наградой за труд для старшего поколения. У крестьян появилось желание стать горожанами.

Следует определиться с терминами. Под «образом жизни» в данной работе мы будем понимать характерные для конкретных исторических и бытовых условий социальные отношения, формы индивидуальной, групповой жизни и деятельности людей, выражающиеся в особенностях взаимоотношения, поведения и мышления в различных ситуациях. Исходя из этого, городской образ жизни – совокупность форм индивидуальной и групповой жизнедеятельности, реализуемая в городах и обычно противопоставляемая сельскому образу жизни. Такое противопоставление проводится самими жителями городов и сел по принципу «хуже – лучше» на основе субъективных оценок качества жизни в городе и деревне: прежде всего на предмет удовлетворения потенциальных потребительских нужд. Потребление – использование материальных и социальных благ для удовлетворения своих потребностей – возможно благодаря получению доходов или трате сбережений.

Почему переселение в город относится к акту потребления? Миссии городов весьма важны и разнообразны [9, 18, 19]. Даже в слабо урбанизированной Российской империи экономическая жизнь была завязана на городе. В город ехали за покупками или с целью продать свою продукцию, узнать новости, заключить сделки, увидеть «дикушки». В советское время все названные функции за городами сохранились. Становление потребительского общества и усложнение социально-экономических отношений привели к увеличению контактов между городом и деревней. Теперь в город ехали, чтобы купить радиоприемник, телевизор, найти мастера для ремонта этих приборов, пройти лечение в больнице у квалифицированных врачей, поступить в техникум или институт. Сформировалось особое отношение к городу, превратившее его из места деловых встреч в уникальный товар, с приобретением которого можно было открыть множество возможностей личного роста. Покупка такого «товара» была непростым делом, особенно в СССР, где не было свободного рынка городского жилья, но тем интереснее для массового покупателя был этот предмет потребления.

Что привлекало советских крестьян к городу как к товару? Город, а точнее городской образ жизни, подобен жилищу: чтобы стать его потребителем, нужно отказаться от старого аналога, в нашем случае – от сельского образа жизни. Соответственно, сельский образ жизни должен не удовлетворять потенциального мигранта.

Село не нравилось крестьянам по многочисленным объективным причинам:

- отсутствие государственных пенсий по старости для колхозников до 1957 г. и запозывание в обеспечении остальными социальными гарантиями;
- отсутствие благоустройства в жилищах;
- отсутствие верхних ступеней школьного образования, а также низкое его качество;
- затрудненность получения профессионального образования: к выбору предлагались только те профессии, которые были востребованы в данной местности;

- ограниченный доступ к творческому образованию: наличие одной или двух школ искусств на район, доступных только для жителей села, в котором они расположены;
- низкое качество медицинской помощи, отсутствие скорой помощи и наличие больницы только в районном центре;
- неудовлетворительная культурно-просветительская деятельность: в распоряжении селян были, как правило, лишь дома культуры с самодеятельностью и библиотеки с редко обновляемым книжным фондом;
- ограниченные возможности профессионального развития;
- неудовлетворительная транспортная доступность;
- необходимость ведения личного подсобного хозяйства, существенно сокращающая количество свободного времени.

Субъективные факторы неудовлетворенности сельским образом жизни были не менее злободневны и многочисленны, в первую очередь, в восприятии сельской молодежи:

- нединамичный темп жизни;
- представления о «неблагодарности» сельскохозяйственного труда, связанные с низкой закупочной и рыночной стоимостью продукции, регламентацией ведения личного подсобного хозяйства, обязательными бесплатными поставками государству;
- представление о непрестижности сельскохозяйственного труда, формировавшееся под влиянием привлечения горожан на неквалифицированную сельскую работу как на отработку повинностей; неудачные попытки переименования сельскохозяйственных профессий;
- представление о том, что оплата труда селян и горожан за одинаковую работу различается в пользу последних;
- уничижительное отношение к сельским жителям при появлении их в городе, наиболее ярко выраженное в собирательных образах «колхозника» и «деревенщины».

Уделялось ли внимание советских ученых названным проблемам? Советские социологи, географы и политэкономы констатировали факт переселения, проводили сравнение условий проживания в городе и деревне [8], но объяснять причины конкретных волн переселения и давать рекомендации по их прекращению они не пытались и не видели в этом проблемы. Наиболее толерантным объяснением сельской депопуляции было расширение механизации в сельском хозяйстве. Признавалось, что некоторые районы имеют избыток рабочей силы на селе и невостребованные молодые люди переселяются в другие местности. Признавалось и то, что другие районы нуждаются в рабочих руках и специалистах [20]. Однако неудовлетворенность сельским образом жизни не указывалась в качестве причины миграций селян. В подавляющем большинстве советские специалисты пытались доказать справедливость высказанного еще Карлом Марксом предположения о том, что различия между городом и деревней будут постепенно стираться, а значит не должно остаться причин массового переселения крестьян в города [21, 22].

Работа по снижению неудовлетворенности сельским образом жизни велась, но недостаточно интенсивно и с оговорками. Понимая, что несколько сотен тысяч деревень охватить благоустройством будет затратно по временным и материальным ресурсам, разрабатываемые модели урбанизации сельской местности предполагали разделение сел на «перспективные» и «неперспективные». Первые становились опорными точками передового строительства, в них развивалась инфраструктура, концентрировалось

население окружающих «неперспективных» деревень (поглощаемых городской застройкой, затопляемых водохранилищами, логистически неудобно расположенных, имеющих наиболее изношенную производственную базу и т. п.) [20, 23].

Для новопоселенцев создавались условия, по некоторым параметрам соответствовавшие городской местности: благоустроенное жилье, рост уровня образования, культурная политика, но занятием населения по-прежнему оставалось сельское хозяйство [24]. И менталитет жителей оставался сельским, что доставляло массу проблем им самим. Жизнь в многоквартирном доме в сельской местности была невыносима для человека, родившегося крестьянином: нет собственной земли, нет возможности завести подсобное хозяйство, негде даже выкопать погреб для овощей. Покупка продуктов питания в магазине за деньги казалась жителям советских агрогородов верхом глупости и легкомыслия: зачем их покупать, если они выращены своими руками, если их дает земля? Никто из предков этого урбанизированного крестьянина не тратил деньги на еду.

Концепция агрогорода потерпела неудачу. Получая стимул переселиться, люди переселялись, как правило, не в предложенное им поселение, а в ближайший настоящий город. Разумно предположить, что это происходило не из корысти, а потому что предложенные социологами модели сближения городского и сельского образа жизни оказались не верны: будущим горожанам не интересно было осознавать свою сопричастность городу на основании декларируемой пропагандистами «одинаковости форм собственности и общественно-политического строя в городе и на селе» [22]. Их интересовало, где будут учиться их дети, смогут ли они сами обеспечить в конце недели отдых не только у телевизора или в сельском клубе. Сформированный агрогород таких преимуществ не давал, поэтому жители неперспективных сел переселялись в такие места, где реализовать свои амбиции было возможно без чрезмерных усилий. Сигналом к действию послужила безусловная выдача в 1974 году паспортов всем сельским жителям, что означало снятие ограничений на свободу передвижения.

Чего ожидал крестьянин от переселения в город? Круг объективных ожиданий включал:

- широкий выбор профессий и рабочих мест;
- доступ к достижениям профессиональной культуры;
- доступ к широкому ассортименту промышленной продукции, товаров народного потребления, книг, музыкальной продукции;
- широкие возможности для получения образования, особенно высшего или творческого;
- большие возможности для расширения социальных связей и кругозора.

Субъективные ожидания были связаны в первую очередь:

- с распространением ценностей потребления в селах (по рассказам и внешнему виду отдохнувших на курортах, командированных в город односельчан, приезжающих на отработку горожан или на отдых к родственникам студентов);
- реализацией амбиций, сформированных на основе советского воспитания «активного гражданина»;
- отсутствием ручного труда или невысокой его интенсивностью;
- снабжением города продовольственными товарами более высокого качества.

Процесс переселения из деревни в город продолжается и сейчас. Что теперь видят селяне в городе? Изменились ли их представления и насколько эти представления соответствуют реальным возможностям городского образа жизни? Радикальные экономические реформы 1990-х гг. привели к изменению представлений о городском образе жизни как атрибуте потребительского стандарта. Колоссальная депопуляция сел, переход российской экономики к свободному рынку поставили оставшихся крестьян в

1990-е гг. на грань выживания. Теперь уже в городе стало возможно себя прокормить, а в деревне – нет. Поэтому и приоритет потребностей сменился от духовных к сугубо материальным. Уровень урбанизации российского населения сейчас исключительно высок. Пробки на дорогах, нерациональное использование городских пространств и экологические проблемы являются результатами «перегрева» городов вследствие деятельности потребителей. Город, вместив в себякратно большее количество возможностей потребления, сам по себе практически перестал быть объектом потребления. Теперь это далеко не желанное место для поселения. Возможно ли обратное движение от городских кварталов к пригородным усадьбам? Безусловно, да, и что важно – без разрыва с городом. Концепция абсолютного потребительского общества говорит, что объектом потребления может стать любое социальное явление, даже деревня, если она предложит то, чего нет в городе, – например, чистый воздух и воду. Возникновение экопоселений и субурбанизация – тому подтверждение.

Заключение. Проанализировав те ожидания, которые селяне возлагали на городской образ жизни, важно отметить: сельский житель, помимо базовых материальных ценностей, хотел получить и то, что сам горожанин имел априори, и то, чему не придавал особого значения, – социально-культурным потребностям. Поэтому городской образ жизни в представлениях потенциальных потребителей из сельской местности ассоциировался как с материальными, так и с нематериальными возможностями улучшения жизни. Нематериальные преимущества городов, в свою очередь, оценивались по объективным и субъективным параметрам. Духовные потребности были в этой совокупности приоритетными, потому что представления о снабжении городов продуктами оказались преувеличенными, а количество желающих переехать именно по материальным мотивам уменьшалось благодаря агрогородам и благоустроенным селам. Побочным эффектом этой волны урбанизации стало запустение сел, их уничтожение или превращение в дачные поселки.

Исследование выполнено на базе Томского политехнического университета при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках выполнения научно-исследовательских работ по направлению «Оценка и улучшение социального, экономического и эмоционального благополучия пожилых людей», договор № 14.Z50.31.0029.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Щепанская Т.Б. Символика молодежной субкультуры. Опыт этнографического исследования системы 1986–1989 гг. – СПб.: Наука, 1993. – 230 с.
2. Короленко П. Квартира, машина, дача // Независимая газета. – 2007. – № 4. URL: http://www.ng.ru/saturday/2007-07-06/11_kvartira.html (дата обращения: 15.11.2015).
3. Ильин В.И. Общество потребления как форма капиталистического развития // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. – М.: Институт социологии РАН, Российское общество социологов – 2008. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1210009740.pdf (дата обращения: 15.11.2015).
4. Ильин В.И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. – 2005. – № 2. – С. 3–40.
5. Твердюкова Е.Д. Личный автомобиль как предмет потребления в СССР в 1930–1960-е гг. // Новейшая история России. – 2012. – № 1. – С. 166–177.
6. Якупов Р.А. Система потребления в СССР – России в конце 1980-х – начале 1990-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Самара, 2010. – 22 с.
7. Зиновьев В.П. Революция массового потребления в СССР // Очерки социальной истории индустриальной Сибири. XIX – начало XX вв. – Томск: Изд-во ТГУ. – 2009. – С. 265–271.
8. Изменение образа жизни колхозного крестьянства в условиях развитого социализма / науч. ред. В.И. Бовш. – Минск: Изд-во БГУ, 1983. – 128 с.
9. Лаппо Г.М. Города на пути в будущее. – М.: Мысль, 1987. – 237 с.

10. Лончинская Л.Я. Уровень пищевого потребления как трудовая мотивация в СССР в 30–40-е гг. // Материалы LIV Международной научно-технической конференции «Достижения науки – агропромышленному производству». – Челябинск, 2015. – С. 28–34.
11. Балакин В.С. Потребности, потребление и система распределения в СССР. 1970-е – начало 1980-х годов. К постановке проблемы // Наука ЮУрГУ. Материалы 66-й научной конференции. – Челябинск, 2014. – С. 894–898.
12. Агеева В.В., Минасян С.П. Современное американское россиеведение: проблематика, концепции, мнения // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – № 6–1. – С. 160–162.
13. Агеева В.В. Тенденции развития современного отечественного россиеведения // Казанская наука. – 2013. – № 11. – С. 23–25.
14. Gorsuch A., Koenker D. The socialist sixties: crossing borders in the second world. – Indianapolis: Indiana University Press, 2013. – 452 p.
15. Gorsuch A. All this is your world: soviet tourism at home and abroad after Stalin. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 386 p.
16. Wegren S. Agriculture and the state in Soviet and post-soviet Russia. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1998. – 497 p.
17. Lovell S. Summerfolk: a history of the dacha, 1710–2000. – Ithaca: Cornell University Press, 2003. – 634 p.
18. Агеев И.А. Методологический ресурс исторической урбанистики в современных исследованиях городских пространств // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 385. – С. 79–84.
19. Агеев И.А. Локальный и национальный брендинг территории как средство укрепления региональной идентичности: исторический опыт сибирских городов // Международная научная конференция, программа и тезисы «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практики исследования». – Томск: Изд-во ТГУ, 2014. – С. 107–110.
20. Ковалев С.А., Ковальская Н.Я. География населения СССР. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 232 с.
21. Марашкина М.Ф. Городской и сельский образ жизни и их сближение при социализме: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1976. – 23 с.
22. Мурниек Э.Д. Сближение образа жизни городского и сельского населения (материал для пропагандистов). – Рига: ДПП ЦК КП Латвии, 1982. – 22 с.
23. Экономико-географические аспекты урбанизации // Межвузовский сборник научных трудов. – М.: МГПИ, 1987. – 99 с.
24. Корель Л.В. Перемещение населения между городом и селом в условиях урбанизации. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1982. – 192 с.

REFERENCES

1. Shchepanskaya T.B. *Simvolika molodezhnoy subkultury. Opyt etnograficheskogo issledovaniya sistemy 1986–1989 gg.* [The symbolism of the youth subculture. The experience of ethnographic research of 1986–1989s]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1993. 230 p.
2. Korolenko P. Kwartira, mashina, dacha [An apartment, a car, a dacha]. *Nezavisimaya gazeta*, 2006, no. 4. Available at: http://www.ng.ru/saturday/2007-07-06/11_kvartira.html (accessed 15 November 2015).
3. Ilin V.I. Obshchestvo potrebleniya kak forma kapitalisticheskogo razvitiya [Consumer society as a form of capitalist development]. *Materialy III Vserossiyskogo sotsiologicheskogo kongressa* [Proc. 3rd All-Russian Sociological Congress]. Moscow, Institute of sociology, Russian Academy of Science, 2008. Available at: http://www.isras.ru/abstract_bank/1210009740.pdf (accessed 15 November 2015).
4. Ilin V.I. Obshchestvo potrebleniya: teoreticheskaya model i rossiyskaya realnost [Consumer society: theoretical model and Russian reality]. *Mir Rossii*, 2005, no. 2, pp. 3–40.
5. Tverdyukova E.D. Lichnyy avtomobil kak predmet potrebleniya v SSSR v 1930–1960-e gg. [Private car as a commodity in the USSR in the 1930–1960s]. *Noveyshaya istoriya Rossii*, 2012, no. 1, pp. 166–177.
6. Yakupov R.A. *Sistema potrebleniya v SSSR – Rossii v kontse 1980-kh – nachale 1990-kh gg.* Avtoref. Dis. Kand. nauk [System of consumption in the USSR and Russia in the late 1980s – early 1990s. Author’s abstract Cand. Diss.]. Samara, 2010. 22 p.
7. Zinovev V.P. Revolyutsiya massovogo potrebleniya v SSSR [Consumer revolution in the USSR]. *Ocherki sotsialnoy istorii industrialnoy Sibiri. XIX – nachalo XX vv.* [Essays on the social history of the industrial Siberia. XIX – early XX centuries]. Tomsk, Tomsk State University Publ. house, 2009. pp. 265–271.
8. *Izmenenie obraza zhizni kolkhoznogo krestyanstva v usloviyakh razvitya sotsializma* [Changing lifestyles of collective farmers under developed socialism]. Ed. by V.I. Bovsh. Minsk, Belarus State University Publ. house, 1983. 128 p.

9. Lappo G.M. *Goroda na puti v budushchee* [Cities on their way to the future]. Moscow, Mysl Publ., 1987. 237 p.
10. Lonchinskaya L.Ya. Uroven pishchevogo potrebleniya kak trudovaya motivatsiya v SSSR v 30–40-e gg. [The level of food consumption as a motivation to work in the USSR in the 1930–40s]. *Materialy LIV Mezhdunarodnoy nauchno-tekhnicheskoy konferentsii «Dostizheniya nauki – agropromyshlennomu proizvodstvu»* [Proc. 54 Int. Conf. Science breakthrough – to agribusiness]. Chelyabinsk, 2015. pp. 28–34.
11. Balakin V.S. Potrebnosti, potreblenie i sistema raspredeleniya v SSSR. 1970-e – nachalo 1980-kh godov. K postanovke problemy [Needs, consumption and distribution system in the USSR. 1970 – the beginning of the 1980s. By the formulation of the problem]. *Nauka YuUrGU. Materialy 66 nauchnoy konferentsii* [Science of the South Ural State University. Conference Proceedings]. Chelyabinsk, 2014. pp. 894–898.
12. Ageeva V.V., Minasyan S.P. Sovremennoe amerikanskoe rossievedenie: problematika, kontseptsii, mneniya [Modern American Russian studies: issues, concepts, opinions]. *Actual Problems of Arts and Sciences*, 2014, no. 6–1, pp. 160–162.
13. Ageeva V.V. Tendentsii razvitiya sovremennogo otechestvennogo rossievedeniya [Trends in the development of modern domestic Russian studies]. *Kazan Science*, 2013, no. 11, pp. 23–25.
14. Gorsuch A., Koenker D. *The socialist sixties: crossing borders in the second world*. Indianapolis, Indiana University Press, 2013. 452 p.
15. Gorsuch A. *All this is your world: soviet tourism at home and abroad after Stalin*. Oxford, Oxford University Press, 2011. 386 p.
16. Wegren S. *Agriculture and the state in Soviet and Post-Soviet Russia*. Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, 1998. 497 p.
17. Lovell S. *Summerfolk: a history of the dacha, 1710–2000*. Ithaca, Cornell University Press, 2003. 634 p.
18. Ageev I.A. Metodologicheskii resurs istoricheskoy urbanistiki v sovremennykh issledovaniyakh gorodskikh prostranstv [Methodological resource of historic urbanism in contemporary studies of urban spaces]. *Bulletin of the Tomsk State University*, 2014, no. 385, pp. 79–84.
19. Ageev I.A. Lokalnyy i natsionalnyy brending territorii kak sredstvo ukrepleniya regionalnoy identichnosti: istoricheskii opyt sibirskikh gorodov [Local and national branding territories as a means of strengthening regional identity: the historical experience of the Siberian cities]. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, programma i tezisy «Chelovek v menyayushchemsya mire. Problemy identichnosti i sotsialnoy adaptatsii v istorii i sovremennosti: metodologiya, metodika i praktiki issledovaniya»* [Proc. Int. Conf. A man in a changing world]. Tomsk, Tomsk State University Publ. house, 2014. pp. 107–110.
20. Kovalev S.A., Kovalskaya N.Ya. *Geografiya naseleniya SSSR* [Geography of the Soviet population]. Moscow, Moscow University Publ. house, 1980. 232 p.
21. Marashkina M.F. *Gorodskoy i selskiy obraz zhizni i ikh sblizhenie pri sotsializme*. Avtoref. Dis. Kand. nauk. [Urban and rural way of life and their convergence under socialism. Author's abstract Cand. Diss.]. Moscow, 1976. 179 p.
22. Murniek E.D. *Sblizhenie obraza zhizni gorodskogo i selskogo naseleniya (material dlya propagandistov)* [Convergence lifestyle of the urban and rural population (material for educators)]. Riga, Latvija Publ., 1982. 22 p.
23. Ekonomiko-geograficheskie aspekty urbanizatsii [Economic-geographical aspects of urbanization]. *Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Interuniversity collection of scientific papers]. Moscow, Moscow State Pedagogical institute Publ. house, 1987. 99 p.
24. Korel L.V. *Peremeshchenie naseleniya mezhduraznykh gorodom i selom v usloviyakh urbanizatsii* [Population movements between urban and rural areas in terms of urbanization]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1982. 192 p.

Дата поступления 30.11.2015